

Бартоломео

© Елена Виктори, 2020

<https://evictory.ru>

Рыжий. Бесшабашный. Самодовольный. Существо, не подверженное комплексам неполноценности и сомнениям в своей правоте. Полная противоположность мне.

Его растерянный с годами лоск с лихвой уравновешивался чувством собственного достоинства. На летней кухне он появлялся с видом владельца заведения, запрыгивал на стол и внимательным взглядом окидывал пространство, высматривая, где и что «плохо лежит». А в удобный момент, как опытный трюкач, ловким движением стаскивал кусок мяса со стола. Рыжий действовал без промаха и нахально глядя мне в лицо, утверждал тоном продвинутого спикера психологического тренинга: «Вселенная щедра! Тут полно даров, предназначенных для уверенных и славных парней вроде меня!». И мне ничего не оставалось, как в очередной раз смотреть вслед коту, уносящему свой пай.

Много раз я видела его на углу магазина с приятелями. Словно компания собутыльников, они окидывали прохожих презрительными и оценивающими взглядами. Но рыжий еще и посмеивался. Когда я проходила мимо, то говорил своим приятелям: «Эту я знаю. Живет здесь, неподалёку. Снимает дешёвую комнату с мамой и дочкой, но готовит неплохо. Пожалуй, наведаюсь я к ней сегодня на ужин». Точный Остап Бендер в кошачьем обличье. Я прозвала его на итальянский манер – Бартоломео. Коротко Барт.

Приближенность к морю действовала так, что я просыпалась не позже пяти утра. Без будильника, без кофе, полная бодрости и сил, даже если накануне мы засыпали глубоко за полночь. А ведь в городских джунглях я жила совсем иначе. Видимо, все мы так живём, переставая замечать своё страдание, не понимаем себя, забываем свою природу под диктатом социума.

Я спускалась на кухню со второго этажа и готовила еду, чтобы в течение дня поменьше отвлекаться на бытовые хлопоты. Кухня – импровизированный островок под открытым небом, оборудованный по минимуму. Холодильник и несколько семейств из пластиковых столов и стульев. Особый объект – плита, двухконфорочная страдалница, доживавшая последние деньки. Легче было развести костёр старым дедовским способом, чем дожидаться от старушки тепла. Шесть комнат частной гостиницы были уже заселены, и с прибытием новых гостей очередь к плите выстраивалась такая, как в лучшие времена к мавзолею. Ранние пробуждения спасали от непростого ритуала жертвоприношений у плиты: к семи-восьми часам, когда гостиница оживала, обед на день был готов и убран в холодильник. Почему же явные неудобства и шумные кухонные выяснения «кто первый» не волновали хозяев? Пожилая семейная пара, владельцы гостиницы, кажется, относились к кухонной доходяге как к старой беспомощной собаке, которая должна сама дожить свой век.

Когда я спускалась на кухню со второго этажа, множество испуганных котов хаотично бросались врассыпную при виде человеческой фигуры. Глупые и пугливые, а потому вечно голодные. Выспавшийся и спокойный, Бартоломео приходил примерно через час, когда ароматное варево уже булькало в кастрюльке. Барт был не похож на других котов, его отличали хладнокровие, выдержка и смекалка. Он вообще считал

ниже своего достоинства появляться на кухне раньше меня. Перепрыгивая через забор и зевая, спрашивал: «что у нас сегодня на завтрак?» Барт посмеивался над моими попытками выгнать его, удалялся на расстоянии трёх-четырёх шагов и возвращался к столу. Насмехающаяся физиономия выдавала фразу: «если что, я прыгну через забор. А ты?» Он победил в борьбе за территорию и знал это. «Расслабься, — томно добавлял он, — ты не первая и не последняя». В конце концов, я оставила его в покое и предпочитала не замечать момент, когда Барт ловко утаскивал со стола какой-нибудь лакомый кусок. «В этом мире полно даров, главное уметь их взять!» — повторял он и уходил. Я почти привыкла к рыжим выходкам, но меня по-прежнему огорчало подчёркнутое неуважение ко всем женщинам, стоящим у плиты.

«Что ж, Барт, — сказала я однажды утром, ожидая его прихода, — ты считаешь, что изучил меня досконально и что тот меня не будет никаких сюрпризов? Вот тут ты заблуждаешься, и крепко заблуждаешься! Приготовлю-ка я тебе нечто особенное. На десерт».

Именно в то утро Барт сильно задержался, я даже стала волноваться, что он совсем не придёт. Однако вскоре Барт явился в самом скверном расположении духа: то ли плохо выспался, то ли подрался, то ли его терзало предчувствие. Он недовольно уселся на стул в ожидании деликатеса, который можно будет стянуть со стола, а я резала овощи для супа и делала вид, что не замечаю. Бартоломео, видимо, был очень голоден и сам ускорил дальнейшие события прыжком на стол. Я повернулась и посмотрела на него внушительно. Но Барт посмеялся мне в лицо и кивнул в сторону умывальника. Рыжий мерзавец отлично изучил алгоритм: полотенце, чтобы спугнуть его, я брала только чистыми руками.

Ну всё, брат мой, ты сам напросился! Отложив в сторону столовые принадлежности, я остановилась и замерла. Время и пространство постепенно сплетались воедино и растворялись в небытии, я погружалась в собственное тело до тех пока, пока не почувствовала плотную и непрогретую почву, я становилась деревом, корни которого уходят глубоко под землю, сливалась с окружающими объектами, я была воздухом и старой кухонной плитой; морем, находившимся в нескольких километрах и посмеивающимся котом, вальяжно развалившимся на столе. Исчезла граница, разделяющая меня с внешним миром; из этого нового состояния я возвращалась в тело, оставаясь всем и ничем одновременно. Задержалась, с шумом выдохнула и медленно потянула руки вверх, на уровень солнечного сплетения, формируя из пространства энергетический шар. Барт несколько напрягся, чуя что-то, в пристальных глазах включились фары дальнего света. Продолжая концентрироваться на дыхании, я уплотняла и уплотняла сотканный из небытия объект. Шар получился свинцовой тяжести, опасный, им можно было убить или нанести увечья. Еще некоторое время под неотрывным вниманием кота, я пыталась изменить плотность шара, то вытягивая его до размеров надувного пляжного мяча, то сжимая в металлическое ядро. Наконец получилось — футбольный мяч, не слишком тяжелый, чтобы причинить вред живому существу, но достаточно упругий, чтобы кое-кого проучить. Не оставив Барту время на сентиментальные размышления, с размаху и неожиданно я запустила мячом в него. Барт взвизгнул, отпрыгнул и бросился прочь без оглядки. Клянусь, он видел шар!!! И если я могла только тактильно осязать сгусток энергии руками, то он видел его воочию во всех подробностях свето-цветовой гаммы! Кот был так ошарашен, словно кухарка в одночасье превратилась в бойца ордена Шаолинь.

Барт не пришёл ни на следующий день, ни после, ни через неделю. Мне даже стало не хватать его за эти дни. Как обычно я спускалась в кухню рано и толпы котопризраков бежали прочь. Но не Барт. Я готовила еду и иногда оглядывалась с надеждой: здесь ли он? перепрыгнул через забор, уселся на стул или развалился на столе? Но он не возвращался. За это время несколько размышлений постигло меня в одиночестве. Одно из них о памяти нашего тела, ведь последний раз я была на занятиях по цигун почти пятнадцать лет назад. Следующее размышление заключалось в вопросе: все коты обладают такой удивительной способностью видеть или у Барта был особый дар?

Каюсь, но при случае я повторила эксперимент с первым встречным котом, попавшимся мне на пути. Тот продолжал сидеть на прежнем месте как деревянный болванчик и хлопал недоумевающими глазами. Это укрепило меня во мнении, что Барт отличался от представителей своего рода.

Несколько раз мы пересекались с ним на улице, но суеверный ужас вспыхивал в глазах Барта и он сразу спасался бегством. Примерно зная места, где обитает рыжий бандит с друзьями, я приходила, чтобы извиниться и возлагала к алтарю приготовленную пищу, но Барт по-прежнему избегал меня, словно боялся, что в любой момент могу вытащить из-за пазухи камень. Он был неумолим, ничто не могло изменить его мнения: когда-то он смотрел на меня как кухарку, а теперь опасался непредвиденного. Барт оказался на редкость здравомыслящим, оценив силы противника как превосходящие, он не подвергал себя риску, а безопасность оценивал выше сытости.

А я продолжала кормить его друзей. «Я подруга Барта, — говорила я с чувством вины, принося еду, — передайте ему привет и мои извинения». Только я не уверена, что эти парни, отменно питавшиеся за мой счет две последующих недели, говорили ему о моем раскаянии.

Барт не пришёл даже в день отъезда, и для меня навсегда осталось загадкой, какие откровения постигли его. Двигал ли им только страх или кот впервые познал муки совести, вспомнив одно из лучших предыдущих воплощений? Быть может, опыт просветления нахлынул на него горечью воспоминаний? Довелось ли ему побывать самоотверженным японским самураем или мастером боевых искусств, или медитировать высоко в горах? Барт скрывал. Однако в последующих жизнях, наверное, он расскажет о том, как поселился в шкуре кота и посмеётся над моим рассказом. До встречи, Барт!!!